

К.Л. Козюренко

АРМИЯ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

15 июля 1410 г. на зеленых полях около небольшого селения в Восточной Пруссии армии Тевтонского ордена, Польского королевства и Великого княжества Литовского сошлись в одном из крупнейших сражений Средневековья. Каждый из его участников именовал это место по-своему: Танненберг, Грюнвальд, Жальгирис, а по-русски - Зеленый Лес. Эта битва, пожалуй единственная из тех, в которых не участвовали воины Восточной Руси, удостоилась быть внесенной в наши учебники по отечественной истории. Причина понятна: в XX в. сражение стало символом борьбы объединенного славянства против германской агрессии. Однако подобная идеологизированная трактовка событий 1410 г. никак не пошла на пользу их объективному изучению. В отечественной литературе сведения о Грюнвальде можно почерпнуть лишь из нескольких популярных изданий 1940-1960-х гг., в которых многие важные вопросы не получили освещения. В первую очередь это касается армии противостоявшей войскам польско-литовской коалиции, поскольку уделять внимание "врагам", пусть даже давно минувших столетий, считалось тогда предосудительным и вредным.

Между тем, войско Тевтонского ордена было по своим боевым качествам вероятно одним из сильнейших в Европе кон. XIV - нач. XV вв. Собственно духовно-рыцарские корпорации и создавались как сообщества воинов-профессионалов, специально для постоянной вооруженной борьбы с "язычниками" в защиту Гроба Господня. Еще в государствах крестоносцев на Ближнем Востоке ордена, наряду с наемниками, были главной военной силой, поскольку создать классическую европейскую систему феодальной службы вассалов в местных условиях было весьма затруднительно. Однако даже орден иоаннитов-госпитальеров, сохранявший на протяжении всего Средневековья и раннего Нового времени характер чисто военной организации, располагал весьма немногочисленной армией. В период долгой борьбы с мусульманами за Кипр в XIV в. войско госпитальеров насчитывало даже не тысячи, а сотни человек. Поэтому, хотя благодаря своему воинскому и инженерному искусству средиземноморские рыцари-монахи десятилетиями сдерживали натиск неприятеля, сил перейти в сколько-нибудь масштабное контрнаступление у них не было.

В Тевтонском ордене ситуация сложилась принципиально иная. Покорив и освоив в XIII - нач. XIV вв. прибалтийские земли, создав там державу с мощным государственным аппаратом, обеспечивавшим бесперебойное поступление и накопление огромных финансовых средств, используя преимущества организации духовно-рыцарской корпорации в сочетании с обычной системой феодальной вассально-ленной службы, Орден уже в XIV в. был в состоянии развернуть мощную многочисленную армию. В период Великой войны 1409-1411 гг. она состояла из нескольких контингентов разной численности, отличавшихся по способу комплектования: собственно члены Ордена -

братья-рыцари и полубратья-служебные; ополчение светских вассалов с земель тевтонского государства; отряды, выставленные прусскими епископами и городами; наемники, набранные за рубежом; так называемые "гости" - иностранные крестоносцы; войска союзников Ордена. Ниже мы кратко рассмотрим лишь те составные части тевтонских вооруженных сил, которые были представлены на грюнвальдском поле в 1410 г. По этой причине вне нашего внимания останутся орденский флот, система замков-крепостей, ливонские войска и целый ряд других интересных тем.

1. Члены Ордена.

"Поистине неустранимый воин и во всех отношениях себя обезопасивший - тот, кто тело облекает броней железа, а душу броней веры. Снабженный двойным оружием он не боится ни беса, ни человека. И не страшится, конечно, смерти тот, кому смерть желанна... Верно и добровольно он стоит за Христа, и более того - он желает умереть, чтобы быть при Христе... Им нечего бояться. Славно претерпеть смерть за Христа и не преступно убивать других за Него. Христов рыцарь убивает безгрешно и умирает со спокойной совестью. Умирая, он трудится для себя, убивая, - для Христа. Недаром он носит меч. Служитель бога, он - каратель злых и спаситель добрых. ...Он мститель, служащий Христу, и защитник христианского рода." Таков был образ воинствующих монахов или монашествующих рыцарей начертанный знаменитым деятелем католической церкви XII в., апологетом аскетизма и крестовых походов, Бернаром Клервоским в произведении "Во славу нового воинства". Возникновение этого действительно нового типа служителей веры, произошло во время борьбы за освобождение Гроба Господня, когда слились интересы средневековых духовенства и рыцарства, прежде зачастую весьма различные. Появление невиданной дотоле "церкви воинствующей" было обусловлено активным воздействием на мирян сравнительно недавно оформившегося аскетического религиозного идеала и симбиоза его с идеалами рыцарства. Члены духовно-рыцарских орденов одновременно давали обеты воздержания, послушания, целомудрия, бедности, как монахи, и носили оружие, участвовали в завоевательных походах, как рыцари-дворяне.

Устав Немецкого ордена в XIII в. не предусматривал иных условий при приеме кроме минимального возраста кандидата - 14 лет и способности его не покрывив душой пять раз ответить "нет" на вопросы: не являешься ли ты членом другого ордена? не женат ли ты? нет ли у тебя скрытых физических недостатков? не должник ли ты? не крепостной ли ты?, и пять раз "да": готов ли ты сражаться в Палестине? готов ли ты сражаться в других странах? готов ли ты заботиться о недужных? готов ли ты по приказу выполнять то, что умеешь? готов ли ты соблюдать Устав Ордена? В случае удовлетворительных ответов вступающий в братство приносил клятву-обет: "Я, такой-то, приношу обет и обещаю блюсти невинность, отказаться от собственности, быть послушным Богу и благой Деве Марии и тебе, брат такой-то, магистр Тевтонского ордена, и твоим преемникам согласно Уставу и Статутам ордена и буду послушен тебе и твоим преемникам до самой смерти." Как видим, ограничения, накладываемые этим обетом, были весьма серьезны, равно как и требования орденского устава: братья обязывались ежедневно не менее пяти часов проводить в молитвах, запрещались турниры и охота, 120 дней в году следовало соблюдать строжайший пост, вкушая пищу лишь раз в день (в обычное время - всего два раза), предусматривались

наказания, в том числе телесные, за клевету и ложь, за нарушение поста, за рукоприкладство по отношению к мирянину. Самой серьезной карой было лишение права носить отличительный знак брата ордена - белый плащ с черным крестом, сопровождавшееся как правило отправкой на тяжелую работу вместе с рабами. Конечно все эти ограничения не доходили до такого умерщвления плоти, какому подвергали себя монахи-аскеты нищенствующих духовных корпораций, но они были далеки и от вольных нравов испанских рыцарских орденов Алькантры и Калатравы.

Тем не менее, по крайней мере в XIV - начале XV вв., от желающих вступить в Тевтонский орден не было отбоя, причем кандидатами являлись главным образом молодые дворяне, привыкшие к отнюдь не аскетическому образу жизни рыцарей позднего средневековья. Дело в том, что реальная ситуация весьма отличалась от изложенного в уставе. Точно также, как нельзя судить о военном деле тевтонцев в Прибалтике по статутам, составленным в Палестине, опрометчиво доверять им и в описании действительных обстоятельств приема в Орден или условий жизни его членов. Конечно, практически все ритуалы, вроде положенного числа "нет - да" и монашеского обета при приеме сохранились. Однако, в отличие от предшествующего времени, в XIV в. получение плаща тевтонца уроженцем не германоязычных земель было большой редкостью. Эта изначально заложенная в Немецком ордене тенденция к мононациональности стала практически абсолютной со вт. пол. XIV века, когда места в тевтонской корпорации обеспечивались в первую очередь обедневшему мелкому дворянству из Швабии и Франконии - регионов, откуда традиционно рекрутировалась значительная часть братьев. Теперь для вступления в Орден требовались доказательства немецкого и дворянского происхождения предков кандидата по обеим линиям до четвертого колена, между тем как ранее, в XIII в., полноправными тевтонцами становились и сыновья городских патрициев. Поскольку в XIV в. для младших отпрысков рыцарских родов из Германии, не имевших у себя дома надежд ни на богатое наследство, ни на важную должность при дворе сюзерена, плащ крестоносца служил завидным трамплином для карьеры, большую роль при вступлении в орден играла протекция: рекомендации его членов или влиятельных князей Империи.

Образ жизни тевтонцев также был далек от аскетических идеалов основателей Ордена. В рассматриваемое нами время братья являлись уже не монашествующими рыцарями, а кастой профессиональных военных и администраторов. Поэтому, хотя статут, как и в монастыре, предусматривал отказ от собственности, все члены ордена имели не только личное вооружение, доспехи, снаряжение, но и разнообразнейшие предметы роскоши. Несмотря на периодические строжайшие запреты все эти вещи, начиная с одежды и оружия, богато украшались и отделялись. Если устав безусловно обязывал братьев соблюдать целомудрие, то реально в 90-х гг. XIV в. в Мариенбурге даже функционировал дом терпимости, известны побочные дети великих магистров. В начале XV в. специальная комиссия, проводившая в прусских конвентах инспекцию на предмет соблюдения религиозных обетов, констатировала, что братья пренебрегают постами, отказываются зимой посещать заутреню без теплой меховой одежды, развлекаются охотой и прочими светскими увеселениями, и вообще своим поведением совершенно не напоминают служителей церкви, коими формально являются.

Идеология тевтонцев, краеугольным камнем которой был тезис о исключительной миссии Ордена по распространению католичества, по сути предусматривала условием существования этого государства вечную войну, ибо без постоянного покорения язычников оно теряло смысл. Этим, с одной стороны, освящались и дозволялись любые средства для исполнения "миссии" и заранее отпускаясь все совершенные при этом грехи, о чем впрочем писал еще Бернар Клервоский, а с другой - определялась сугубо утилитарная направленность своеобразной цивилизации Ордена. Действительно, крестоносцы ценили и активно внедряли различные новшества в хозяйстве, будь то более прогрессивная система обработки пашни или подъемные механизмы в портах. Однако искусства и науки, средоточием которых в Средневековье была церковь, в Ордене получили слабое развитие. Так например проект основания в Пруссии в XIV в. университета не вызвал заинтересованности тевтонских чиновников. Репертуар немногочисленных библиотек конвентов был весьма беден: псалтырь, хроники, сборники житий, предназначенные для группового прочтения вслух. Практически отсутствовала литература для индивидуального чтения, даже теологические трактаты, равно как и столь характерные в средневековье пометки читателей на страницах книг. Судя по всему, то, что не могло быть использовано непосредственно для получения осязаемой, материальной выгоды и пользы, мало занимало братьев Ордена. Ярким показателем этого является положение братьев-священников, к ведению которых собственно и относились в Ордене все духовные материи - они парадоксальным образом не играли в этой духовной корпорации никакой роли. Даже орденскую хронику в XIV в. писал явно брат-рыцарь. Число священнослужителей в конвентах вообще было невелико, поскольку в положенный по уставу минимум зачисляли всех церковников, включая причетников и служек.

Основу мощи Ордена составляли осуществлявшие в нем всю полноту власти братья-рыцари. Именно из них образовывалась управленческая структура тевтонского государства, от заведующего мельницами в конvente до великого магистра. Но поскольку Орден всегда оставался в первую очередь военной организацией, должности чиновников были для братьев-рыцарей в конечном счете лишь временными. Тевтонцы являли собой уникальную для средневековой Европы касту профессиональных воинов, объединявших качества прекрасно подготовленных дисциплинированных бойцов со способностями опытных командиров. Полноправных братьев в Ордене было сравнительно немного, в рассматриваемое нами время около восьмисот человек. Однако на каждого брата по статуту полагалось восемь так называемых служебных братьев или полубратьев. Они также являлись членами Ордена, но не приносили обета и не могли занимать руководящих должностей. Служебные рекрутировались главным образом из лиц неблагородного происхождения, горожан и прочих свободных, включая иногда и местных жителей - поляков и пруссов. В мирное время они составляли гарнизоны замков, низшую орденскую администрацию. В случае же войны служебные под командой братьев-рыцарей и образовывали кадровую профессиональную армию Тевтонского государства.

Обладая такой силой, великому магистру не было нужды, подобно даже самым могущественным европейским королям, рассылать после объявления войны гонцов к феодалам с призывом являться со своими отрядами на службу - процесс сам по себе не простой, ибо вассальная присяга отнюдь не всегда выполнялась беспрекословно. Братья-рыцари

и полубратья-кнехты были готовы по первому знаку обнажить мечи когда, где и против кого угодно, на сколь угодно долгий срок. При этом служба членов Ордена была пожизненной и вряд ли в Европе того времени можно было найти более опытных воинов. Как всякие профессионалы, не прекращавшие оттачивать свое мастерство и в мирное время, они являлись универсальными бойцами, способными драться конными и пешими, штурмовать и защищать укрепления, участвовать в рейдах на территорию неприятеля и морских десантах. Немаловажно для средних веков было и то, что члены Ордена воевали не в силу вассальных обязательств или за деньги, а за идею. Верховным сюзереном тевтонцев считался сам Господь, вопрос о преданности которому естественно не стоял. Одним из основных преимуществ постоянной армии Ордена был значительный выигрыш времени при развертывании вооруженных сил в начале боевых действий. Пока противник собирал свое вассальное ополчение, тевтонцы уже могли нанести удар, при этом кадровые войска крестоносцев одновременно прикрывали сбор сил собственной армии. Умелое использование этой возможности позволяло Ордену неоднократно одерживать победы, в том числе и в начале Великой войны 1409-1411 гг.

Точная численность братьев Ордена на грюнвальдском поле к сожалению неизвестна, равно как и общее их число в 1410 г. Имеются сведения, что в 1398 г. в тевтонском войске состояло 426 братьев-рыцарей и соответственно 3200 служебных. Однако по другим оценкам это число включало в только часть братьев и полубратьев, которые входили в состав полевой армии, а остальные оставались в замках конвентов. Поэтому всего братьев в преддверии Великой войны вероятно было более 800 и тогда число служебных составляло свыше 6500. Однако вряд ли в 1410 г. в гарнизонах осталась половина всех тевтонцев, как считают некоторые исследователи, слишком решительная предстояла схватка. К тому же известно, что многие гарнизоны укомплектовывались наемниками. Поэтому мы принимаем традиционно указываемую численность тевтонцев в грюнвальдском сражении: 800 братьев-рыцарей и 6400 полубратьев-кнехтов. Попутно заметим, что это больше, чем было воинов в ордонансовых ротах французского короля Карла VII 40-х гг. XV в., считающихся первыми постоянными войсками в Европе, и немногим меньше чем насчитывала профессиональная армия бургундского герцога Карла Смелого в 70-е гг. XV в.

Распределение тевтонцев по конвентам на 1410 г. также неизвестно. Ближайшей аналогией является исчисление сил Ордена для похода на Готланд в 1398 г., которое и послужило основой для приведенной ниже таблицы. Вероятно за прошедший десяток лет количество тевтонцев в конвентах изменилось не слишком сильно.

Численность членов Ордена в конвентах

Конвент	Братья-рыцари	Полубратья
Эльбинг	82	656
Бранденбург	70	560
Балга	68	544
Христбург	36	288
Остероде	42	336

Мариенбург	130	1040
Энгельсбург	10	80
Данциг	60	480
Меве	10	80
Тухель	26	208
Шлохау	24	192
Шветц	20	160
Кенигсберг	102	816
Мемель	24	192
Рагнит	22	176
Папау	10	80
Грауденц	12	96
Шензее	10	80
Голлуб	8	40
Реден	14	112
Страсбург	20	160
Торн	24	192
Биргелау	6	48
Альтхауз	12	96
Нессау	10	80

2. "Земская служба"

Как мы уже упоминали, главным отличием тевтонцев от другого постоянно находившегося в состоянии войны ордена - иоаннитов, было то, что первые сумели на базе немногочисленной касты профессиональных воинов, развернуть многочисленную армию. Основную часть тех "военных мускулов", которые Орден при необходимости быстро "накачивал" вокруг своих кадровых сил - братьев и полубратьев составляла так называемая "земская служба" тевтонского государства. Эти отряды собственно говоря представляли собой феодальное ополчение, такое же, какое было основой всех армий средневековой Европы. Светские рыцари немецкого, польского и прусского происхождения, недворяне - солтысы и старосты деревень, словом все, имевшие земли во владениях Ордена, согласно вассальной присяге были обязаны по призыву магистра отправляться на военную службу. Таким образом перед нами стандартные феодальные ленные отношения средневековья, только в качестве сюзерена у светских подданных тевтонцев выступал не король или иной правитель, а Немецкий орден как корпорация.

Однако "земская служба" в Пруссии имела и некоторые особенности, соответственно особенностям самого тевтонского государства. Прежде всего, в ополчении отсутствовали крупные отряды знатных феодалов, тогда как в других державах они составляли основу армии. Дело в том, что стараниями Ордена на его территории вовсе не было обширных светских земельных владений. Поэтому лишь немногие дворяне, преимущественно немецкого происхождения, выступали в поход во главе собственного копия из нескольких воинов. Этот вид службы назывался

"Rossdienst". Большая часть светских рыцарей служила "Plattendienst", то есть имея при себе лишь одного-двух человек. Мелкие же польские шляхтичи и прусские "вольные" зачастую вступали отправлялись на войну просто в одиночку. В этом не следует усматривать какой-либо прямой дискриминации, просто так в тевтонском государстве сложились социально-политические условия, выгодные Ордену и искусно им поддерживаемые. С точки зрения боеспособности и дисциплины армия от такого положения вещей сильно выигрывала, поскольку снималась проблема взаимоотношений командования с феодальной знатью, которая привела к печальному исходу не одну битву средних веков (яркий пример - французы при Креси в 1346 г.). В тевтонской армии все светские воины сводились, по территориальному принципу, в копы под командованием наиболее опытных и уважаемых рыцарей из их же среды. В свою очередь эти отряды по той же территориальной принадлежности входили в состав орденских хоругвей, возглавлявшихся комтурами. Таким образом светские дворяне всегда состояли под началом братьев-рыцарей.

Поскольку значительную часть подданных Ордена, особенно в Хелминьской земле и на Поморье, составляли поляки, неизбежно возникает вопрос - как вели себя эти люди во время войн тевтонцев с Польским королевством в нач. XV в.? Если исключить историю 1411 г. с обвинением крестоносцами дворян Хелминьской земли в измене во время Грюнвальдского сражения (об это мы поговорим особо), можно с уверенностью констатировать, что подавляющая часть рыцарства польского происхождения верно выполняла вассальную присягу Ордену. Резкий надлом произошел именно после Грюнвальда, но окончательно в открытую и враждебную оппозицию тевтонцам светские дворяне, причем не только поляки, перешли лишь в период Тринадцатилетней войны 1454-1466 гг. При этом причины конфликта между правящей кастой и жителями Ордена лежали не столько в области национальных проблем, сколько в вопросе социальных и имущественных прав. Не следует забывать, что в эпоху Средневековья для дворянства вопрос национальной принадлежности отнюдь не стоял на первом месте. Так что на грюнвальдских полях "прусские" поляки были не менее упорными противниками польско-литовской армии чем "прусские" немцы.

Тоже относится и к этническим пруссам. Несмотря на сильную германизацию их присутствие на землях Ордена в начале XV в. оставалось еще весьма заметным. Завоевав и подчинив земли пруссов, тевтонцы не особенно торопились приобщать аборигенов к благам христианской цивилизации, сформулировав даже принцип: "Дайте пруссам остаться пруссами." Орденские священники не знали их языка, у недавних язычников были свои, отдельные от других католиков храмы. В результате многие из них и десятилетия спустя после официальной христианизации продолжали посещать священные рощи. Зато Орден тонкой правовой политикой сумел быстро расколоть традиционное общество пруссов и включить его знать в систему вассальных связей своего государства. Тевтонский хронист XIV в. Петр из Дусбурга писал об этом так: "Кто бы [из пруссов] ни обратился к вере Христа, оставив идолопоклонство, братья милостиво обращаются с ним, и вот как. Если он знатен и происходит из рода нобилей, то ему даются земли в свободное владение и в таком количестве, что он может жить приличествующе положению своему ..." В результате образовался слой прусских "свободных" или "вольных", нечто вроде однодворцев, которые со своих земель были обязаны нести службу Ордену и зарекомендовали себя прекрасными воинами.

"Земская служба" созывалась великим магистром отнюдь не для каждой военной кампании. Так например рейзы - походы на Литву совершались как правило силами самих тевтонцев и "гостей"-крестоносцев. Дворянское ополчение собиралось обычно в случае больших войн с сильным внешним противником. Численность его установить непросто, поскольку, в отличие от наемников, орденская бухгалтерия не всегда фиксировала подробно количество выступавших в поход "земских" воинов. Скорее всего при Грюнвальде ополчение светских рыцарей составляло около трети всей армии. Двенадцатью годами ранее, в поход 1398 г. против датчан на Готланд, с территории 26 комтурств и 5 фогств Ордена во исполнение ленной присяги было выставлено 5872 "земских" воина. Среди них 1172 являлись прусскими "вольными" (из комтурства Эльбинг - 576 чел., Балга - 406 чел., Мариенбург - 40 чел., Бранденбург - 150 чел.). Большая часть светских ополченцев была из комтурств Балга (1383 чел.), Эльбинг (947 чел.), Бранденбург (803 чел.), Кенигсберг (782 чел.). Достаточно многочисленные отряды выставили земли комтурств Остероде (297 чел.), Христбург (231 чел.), Мариенбург (217 чел.), Данциг (216 чел.), Рагнит (121 чел.), Шлохау (117 чел.) и Шветц (104 чел.), фогства Диршау (142 чел.). В остальных численность ополченцев колебалась от 86 (комтурство Альтхауз) до 9 (комтурство Энгельсбург). Вероятно примерно такова же, с незначительными поправками, была численность дворянского ополчения тевтонского войска и в 1410 г.

3. Епископства и города

Кроме светских дворян у Ордена было еще два вида коллективных вассалов, также несших воинскую повинность. Прежде всего это четыре прусские епископства. Поскольку на территориях тевтонского государства, находившихся под юрисдикцией епископов, дворяне и солтысы считались их, а не орденскими вассалами, в случае войны каждый из духовных сюзеренов должен был выставить хоругвь, укомплектованную собственными подданными и во главе со своим войтом. Классический пример знаменитого феодального принципа: "Вассал моего вассала - не мое вассал!" Сами иерархи в боевых действиях естественно не участвовали. По составу церковные хоругви ничем не отличались от светских войск самого Ордена - та же "земская служба" и наемники. Разница состояла лишь в отсутствии в их составе самих тевтонцев. Что касается численности епископских отрядов, то ее можно установить только по аналогии с 1398 г. Тогда Кульмское и Самбийское епископства выставили по 400 чел., а Помезанское и Эрмландское между 400 и 500 чел. каждое. При Грюнвальде войска духовных сюзеренов скорее всего насчитывали в общем тоже около 1500 воинов, примерно половина из которых была наемниками, а остальные - рыцарским ополчением.

Второй разновидностью вассальных контингентов тевтонской армии являлись войска, выставяемые прусскими городами. Вооруженные силы крупных городов орденского государства были организованы также, как в германских городах Ганзы, членами которой являлись основные из них. Каждый цех или гильдия по разнорядке городского совета выставял при необходимости положенное число определенным образом вооруженных и снаряженных воинов из числа своих членов, а также отвечал за состояние и оборону части городских укреплений. Все способные носить оружие горожане обязывались проходить военную подготовку. Наиболее воинственно настроенные бюргеры объединялись в так называемые стрелковые сообщества - нечто вроде добровольных клубов любителей попрактиковаться в свободное время в боевом мастерстве, периодически устраивавшие свои пышные праздники, кульминацией которых являлось

состязание по стрельбе в цель. Обычно считается, что горожане крайне неохотно брались за оружие и, если надо было сражаться вне родных стен, предпочитали раскошелиться на наемников. Действительно, прусские города вербовали солдат удачи, например морских корсаров в 1410 г., о чем будет сказано ниже. Но судя по всему немецкие бюргеры балтийских и вислинских портов сами были при случае совсем не прочь подраться. По крайней мере контингенты городов, выставлявшиеся для военных кампаний ордена, состояли главным образом из их коренных жителей. Возглавлялись эти отряды ратманами - должностными лицами городской администрации, или специально назначавшимися той же администрацией капитанами. О надежности этих воинов можно сказать то же, что и о "земской службе": до Грюнвальда в них сомневаться не приходилось, после этой битвы горожане уже предпочитали уклоняться от службы тевтонцам.

Боевого опыта бюргерам в нач. XV в. было не занимать. В тевтонское войско отправлялась конечно не обычная коммунальная милиция, а проверенные бойцы, не раз участвовавшие в военных операциях на Балтике в составе сил Ганзы и Ордена против датчан, корсаров и всех тех, кто мешал свободному судоходству и торговле. Так в 1398 г. крупные прусские города выставили для совместного с крестоносцами похода на Готланд 40 больших и средних кораблей с четырьмя сотнями воинов десанта и еще столько же в 1404 г. В этот же период на Балтике постоянно крейсировала специальная "миротворческая" эскадра прусских ганзейцев с задачей уничтожать пиратов и пресекать любые военные конфликты, препятствовавшие мореплаванию. Кроме того, с 1404 г. воины из крупнейших прусских городов были обязаны участвовать в тевтонских походах на Жмудь, формально уступленную Литвой Ордену. Например в 1405 г. Данциг передал в распоряжение местного комтура 60 человек для такого четырехнедельного похода, причем половина из них были арбалетчиками. При этом во время ведения боевых действий на суше основу городских войск, входивших в состав тевтонской армии, составляла не пехота, как принято представлять, а конница. Постановлениями городских советов состоятельные бюргеры были обязаны служить верхом, с соответствующим снаряжением и вооружением. Эти "городские рыцари" - констафлеры составляли весьма значительную часть вооруженных сил крупных европейских средневековых городов. Например в прирейнском Страсбурге в 1363 г. они выставили 81 копьё, тогда как все гильдии мастеровых и торговцев вместе взятые - лишь 34. Схожая ситуация очевидно имела место и в прусских городах, где с марта 1410 г. по требованию великого магистра богатые горожане еще раз обязывались иметь рыцарское вооружение. По крайней мере отряд из 216 человек, отправленный на Великую войну городом Эльбингом, включал 180 всадников. Городские рыцари вероятно были не менее опытные в военном деле чем их сограждане, сражавшиеся на море, поскольку имена прусских бюргеров -добровольных крестоносцев часто встречаются в известиях о завоевательных походах тевтонцев на "язычников".

Прусские города были обязаны направить в орденскую армию определенное число воинов, в каждом конкретном случае особо установленное магистром. К сожалению полные данные о численности городских хоругвей на 1410 г. отсутствуют, но по аналогии с кампанией 1409 г. и походами на Готланд 1398 и 1404 гг. примерный состав некоторых контингентов установить можно: Эльбинг - 216 чел., Данциг и Кенигсберг - по 200 чел., Кульм и Браунсберг - по 100 чел. Известно, что в 1398 г. города тевтонского государства выставили в общей сложности

1900 воинов. При Грюнвальде же в орденской армии находились вероятно около полутора тысяч бюргеров.

Наемники

Наемничество было "древнейшей профессией" в военном деле средневековья, бравшей начало со времен каролингских армий, отрядов викингов, за плату оберегавших друг от друга берега франкских королевств, и варяжской гвардии византийских императоров. Для ясности изложения сразу определимся в терминах: наемниками мы считаем тех, кто сражался по добровольно заключенному на определенный срок контракту за плату в звонокой монете, в отличие от тех, кто был обязан службой в силу вассальной присяги. Это уточнение необходимо потому, что с XIV в. во многих государствах рыцари-ленники также стали получать фиксированное денежное вознаграждение за военную службу, но, в отличие от настоящих наемников, были обязаны исполнять воинскую обязанность своему сюзерену, вытекающую из условий принесенной ему вассальной присяги - оммажа.

Известно, что еще до того как во время Столетней войны резко обозначилось преимущество профессиональных наемных отрядов над феодальным дворянским ополчением, средневековые монархи предпочитали в идеале видеть свои армии составленными именно из наемных солдат. Последние имели по крайней мере два важных для средневековья преимущества: служили сколь угодно долго, вернее пока им платили, и не видели разницы в том где и с кем воевать. В армии Тевтонского ордена удельный вес наемников стал быстро возрастать именно с тех пор, как во второй половине XIV в. крестоносцы столкнулись со схожими проблемами. Тевтонцы встречались теперь на поле брани с христианами, вследствие чего быстро иссякал поток "гостей"-рыцарей из Западной Европы. Эту значительную брешь в комплектовании армии Ордена следовало срочно заполнить, и более того, войско крестоносцев нуждалось в спешном усилении, так как с 80-х гг. XIV в. оно оказалось лицом к лицу с превосходящими силами польско-литовской унии. Наемники подходили для этой цели как нельзя лучше, поскольку не испытывали никаких комплексов относительно конфессиональной принадлежности противника.

Однако в армиях европейских государств число нанятых воинов зависело не от желания правителя, а от состояния его казны. У тех, кто особенно нуждался в наемниках последняя зачастую бывала не в лучшем состоянии и не могла обеспечить запросы в полном объеме. Проблема эта решалась по-разному. В Англии король Генрих II еще в XII в. обязал дворян-землевладельцев взамен воинской повинности платить особый налог, так называемые щитовые деньги, на которые и вербовалась значительная часть армии. Во Франции реализовать подобную меру не удалось и монархи этой страны могли себе позволить нанимать только специализированные части определенного рода оружия, например пеших итальянских арбалетчиков. Небольшие города-государства Апеннинского полуострова, ввиду определенных условий вынужденные принимать на службу целые армии кондотьеров, несмотря на свое финансовое процветание с трудом наскребали деньги для их оплаты. Так во Флоренции, в начале 60-х гг. XIV в. выложившей только за один год на наемные отряды 100000 золотых флоринов, был даже установлен специальный налог со всех горожан для сбора средств на эти цели. А римские папы в XIV в. тратили на кондотьеров 60 % бюджета, и отнюдь не из-за чрезмерной своей воинственности, но ввиду высокой стоимости их услуг. Тевтонский орден же не имел тех проблем в ходе вербовки, с

которыми сталкивались другие государства - денег было достаточно и распоряжались ими братья исключительно по своему усмотрению. Только в 1409 г. и лишь на выплату задатков наемным отрядам было потрачено более тридцати тысяч гривен - огромная по тогдашним меркам сумма. После грюнвальдского разгрома крестоносцы без труда увеличили содержание всем своим наемникам чтобы удержать их на службе. Собственно и спасен Орден в 1410 г. был благодаря его неисчерпаемым финансам, позволившим срочно на вербовать за границей целую армию. Так продолжалось и впоследствии: в войнах XV в. великие магистры зачастую вовсе не имели при себе собственно орденских войск, а сражались во главе наемных отрядов. Правда в Тринадцатилетнюю войну 1454-1466 гг. с Польшей это приносило уже не только успехи, но и жестокие поражения - подкупленные наемные гарнизоны не раз сдавали крепости врагу.

Впрочем до Грюнвальда средневековые солдаты удачи еще не составляли преобладающей части армии крестоносцев, хотя, наряду с братьями и "гостями", были наиболее надежны и боеспособны. Вербовались они перед началом кампании, как правило в "ближнем зарубежье" - Германии, Силезии, Чехии. Туда выезжали специальные орденские представители, заключавшие контракты с предводителями наемных отрядов. В отличие, скажем, от Англии, где такой контракт подписывался с каждым воином в отдельности, или Италии, где на службу принимались целые армии в несколько тысяч человек, вербовавшиеся в войско Ордена "роты" имели численность от нескольких десятков до тысячи с небольшим воинов. Они подразделялись на "копья" по 3 человека, причем в данном случае речь идет не о тактических или организационных, а лишь о платежных единицах - жалование выдавалось на тройки, а не каждому солдату в отдельности. Интересно, что контракты с наемными ротами заключались как правило не от имени великого магистра, а от лица отдельных орденских комтуров. Таким образом формально воины служили не всему Ордену, но лишь конкретному конвенту. При заключении договора предводителю наемной роты выдавался аванс на приобретение вооружения, экипировки, лошадей для его людей и дорогу до орденских владений, который потом удерживался при общем расчете. Срок службы отсчитывался с момента пересечения наемниками западной границы Тевтонского государства на Одере, однако дорога от нее до Вислы, то есть к будущему театру военных действий, оплачивалась отдельно.

В войске Ордена наемники не составляли отдельных крупных отрядов, как это было в большинстве других армий, а ротами входили в состав хоругвей комтурств. Они также часто размещались гарнизонами в крепостях. Жалование наемных воинов в 1409 г. составляло 11 гривен на "копье" в месяц. Осенью 1410 г., после Грюнвальда, сумму увеличили до 12 гривен и на обратную дорогу от Вислы к Одере стали выдавать не двухнедельный, как ранее, а трехнедельный оклад. Много это было или мало? Судя по тому, что понесшие при Грюнвальде жестокие потери наемники не впали в панику и не стали разбегаться, подобно даже многим братьям Ордена, но стойко обороняли Мариенбург и продолжали охотно идти на службу тевтонцам, в накладе они не оставались. В отличие от западноевропейских наемников Столетней войны, основную массу которых составляли пехотинцы и лучники, вербовавшиеся Орденом германские и чешские воины были главным образом конными арбалетчиками. Так например в роте фон Котвица в 1410 г. на 150 копейщиков приходилась тысяча стрелков. Наемники были надежными и универсальными солдатами, одинаково хорошо сражавшимися в конном и пешем строю, при осаде и защите крепостей, с мечом и арбалетом в

руках. Никаких особенностей в тактике именно наемных рот орденской армии не прослеживается, на поле боя они стояли в рядах клиньев-колонн тевтонских хоругвей и действовали точно также, как и другие контингенты составлявших их воинов.

Из этого правила имелось лишь одно, весьма своеобразное исключение. Речь идет о балтийских корсарах, в просторечии именовавшихся "корабельными парнями" (schiffskinder). Они чрезвычайно размножились на Балтийском море в третьей четверти XIV в., во время продолжительных войн между королевой Маргаритой Датской и герцогом Альбрехтом Мекленбургским за шведский престол. К 90-м гг. XIV в. корсары-каперы, получившие уважительное прозвание Виталийских братьев, стали самостоятельной военно-политической силой в регионе. Их "братство" могло выставить 300 судов и 3 тысячи воинов, опиралось на систему собственных укрепленных баз в портах Мекленбурга, Шлезвига и Ост-Фрисландии. В 1394-1397 гг. оставшиеся по окончании датско-мекленбургской войны не у дел корсары вступили как равноправная договаривающаяся сторона в сложившийся тогда в Восточной Европе антиорденский союз. Под его флагом виталийские братья устроили несколько масштабных походов через все Балтийское море. В 1394 г. их флот, выйдя из Мекленбурга, овладел островом Готланд, затем опустошил окрестности Стокгольма, после чего отправился в Финляндию, где корсары взяли крепости Або и Выборг. Сделав их своими базами, виталийские братья установили контроль над восточной Балтикой, в частности в 1395 г. отряд из четырех сотен корсаров уничтожил конвой русских и ганзейских кораблей на реке Неве. На следующий год их флотилии атаковали Ревель и Нарву, проникли по рекам вглубь земель Ливонского ордена и напали на Дерпт. К 1397 г. виталийское братство по сути владело Балтийским морем и держало в своих руках все торговые пути на нем, что послужило одной из причин готландских походов Ордена 1398 и 1404 гг. Только совместными действиями тевтонцев, Ганзы и шведов на рубеже XIV-XV вв. удалось свести на нет могущество корсаров, вновь низведя их до положения обычных пиратов. Утратившие единое руководство и отказавшиеся от амбициозных планов виталийские братья представляли из себя теперь сотни отличных опытных воинов, наполнивших балтийские порты в поисках знакомой работы. Их недавний грозный враг - Тевтонский орден, попав в тяжелейшее положение после Грюнвальда, был готов предоставить ее корсарам. Сразу после известия об этом поражении в Данциге были наняты 400 моряков, прекрасно показавших себя во время обороны Мариенбурга. В сентябре 1410 г. комтур Эльбинга принял на службу еще 200 человек, в декабре в гарнизоны трех орденских замков было направлено по 100 корсаров. При этом они сражались не только на суше, в качестве обычных воинов, но и действовали на лодках по рекам в глубине территории противника, совершая рейды, неся патрульную службу, доставляя грузы в осажденные крепости.

Численность наемников известна нам лучше чем какой бы то ни было другой составляющей орденской армии, поскольку братья скрупулезно фиксировали все выплаты жалования им в специальных казначейских книгах. К счастью большая часть этих книг за начало XV в. дошла до наших дней. Согласно содержащимся в них сведениям всего в начале июля 1410 г. в Пруссии находился 5751 наемник. Однако часть рот, завербованных перед самым началом кампании, прибыла на Поморье только в первых числах июля и не успела присоединиться к армии великого магистра до сражения. Поэтому на грюнвальдском поле в ее рядах состояло только 3712 наемников. К сожалению конкретное

распределение их по орденским хоругвям неизвестно и мы можем привести лишь численность самих рот.

Наемные роты, принимавшие участие в сражении при Грюнвальде

Капитаны	Численность
Никль фон Коттвитц	1130
Венцлав фон Дона	737
Рота из германской области Мейсен	687
Каспар фон Герсдорф	476
Ханнус фон Хакенборн	321
Хейнц фон Борснитц	120
фон Эуленбург	109
Герхардт фон Кинтц	66
Мартин Рынмин	66

"Гости"- крестоносцы

Идея борьбы с "язычниками" во славу Господа отнюдь не прекратила своего существования с последними латинскими государствами Святой Земли. Получив новые формы и направления она оставалась одной из основных составляющих менталитета западноевропейского рыцарства на протяжении всей "осени средневековья". Многие надгробные эпитафии рыцарей XIV-XV вв., среди перечисления прочих заслуг, содержат тексты, подобные тому, каким почтили после кончины в 1449 г. северофранцузского дворянина Жана де Рубо (Roubaix), первого камергера герцогов Бургундских и кавалера ордена Золотого Руна: был в сражениях против неверных в Венгрии, в Тунисе, на Кипре и дважды в Пруссии. Посещение последней значилось в те времена в похвалах рыцарям наравне с участием в таких знаменитых делах как осада тунисской крепости Махдия в 1390 г., битве с турками при Никополе в 1396 г., паломничествах в Сантьяго и Иерусалим, Альхесирас и Смирну, громкими победами на турнирах.

Крестоносцы из Западной Европы были частыми гостями в Пруссии еще во время завоевания ее Орденом в XIII в. Именно многолюдный поход, организованный в 1263 г. чешским королем Пшемислом II Оттокаром, позволил оккупировать последние оставшиеся независимыми области обитания пруссов. Однако пока держались латинские государства в Палестине Прибалтика находилась все же на периферии интересов "освободителей Гроба Господня". К тому же Орден устроил в 90-х гг. XIII в. перерыв в своем наступлении на язычников, связанный с необходимостью освоить завоеванные земли. Ситуация кардинально изменилась, когда в 1291 г. пал последний оплот крестоносцев в святой Земле, а тевтонцы, после перенесения в 1309 г. резиденции великого магистра в Мариенбург, начали систематический, организованный натиск на Литву, не прекращавшийся целое столетие. Европейское рыцарство

немедленно устремилось в этот новый северный крестовый поход. Польша, Скандинавия, нижнерейнские земли, Голландия, Фландрия, Лотарингия, Франция, Англия, Шотландия - вот расширявшаяся на протяжении XIV в. география стран, дворянство которых принимало участие в прусских походах.

Мотивы, руководствуясь которыми молодые, в полном расцвете сил крестоносцы (преобладала возрастная группа от 20 до 25 лет) отправлялись в Прибалтику, были в общем те же, что и у "паломников" в Святую Землю: свершение подвигов во имя Господа и рыцарской славы. При этом, в отличие от средиземноморских крестовых походов, в которых участвовали представители разных сословий, прусские являлись уделом исключительно дворянства, начиная с коронованных особ. Единственным исключением были немногочисленные городские патриции, одному из которых, некоему кельнскому бюргеру по имени Рутгер Райтц (ум. 1369 г.) принадлежит вероятно абсолютный рекорд по числу "паломничеств" в прибалтийские земли. Из 43 военных кампаний, совершенных им в своей жизни, он участвовал в 32 зимних походах в Пруссии и 3 летних в Ливонии. Вообще же участие в прусских походах для многих родов европейской знати стало своеобразной семейной традицией. Таковы были например германские родственники великого магистра фон Книпроде, немецкий род фон Эльнер, фламандский фон Гистель, английские Суффолк и Бошамп-Уорвик, французский де ля Треймоль. В XIV в. на борьбу с литовскими язычниками неизменно отправлялись все правящие герцоги Гельдерна и графы Голландии. Многие знатные дворяне бывали в Пруссии не по одному разу. Дважды посещали жмудские леса Иоанн де Шатийон-Блуа (1362-1363 и 1368-1369 гг.), герцог Вильгельм Юлих-Гельдернский (1383 и 1399 гг.) и граф Дерби - будущий английский король Генрих IV (1390-1391 и 1392 гг.). А вот Вильгельм IV, граф Голландии и Геннегау, побывал в Пруссии целых три раза (в 1336-1337, 1343-1344 и 1344-1345 гг.). Некоторые профессиональные крестоносцы проявляли исключительную мобильность: трижды участвовавший в этих походах рыцарь Дитрих фон Эльнер (ум. 1357 г.), в 1348 г. вместе со шведским королем Магнусом штурмовал новгородскую крепость Орешек на Неве, затем воевал в Ливонии, а после отправился в Пруссию и оттуда выступил с тевтонцами на Литву.

Основная масса крестоносцев направлялась в Пруссию морским путем по Балтике. Сухопутные дороги тоже вели главным образом вдоль побережья, например по маршруту Кельн-Любек-Данциг. Предпринять такое путешествие и существовать в Пруссии за свой счет могли конечно только коронованные особы и знатные сеньоры. Большую часть "паломников" финансировал сам Орден, давая им через посредство своих представительств в крупных европейских городах и торговые конторы прусских членов Ганзы кредиты, которые крестоносцы обязывались вернуть из будущей военной добычи. Поскольку тевтонцы были весьма заинтересованы в притоке подкреплений, возможные финансовые потери в таких сделках их не пугали. При этом крестоносцы не становились ни наемниками, ни подчиненными Ордена, так как не состояли у него на службе. Они были именно "гостями", как именуют вооруженных "паломников" тевтонские хроники. Исполнив общепринятый обет, предусматривавший годичное пребывание в Пруссии с обязательным участием в походе на "язычников", крестоносцы возвращались домой. В этом, кстати, состояло еще одно заметное отличие "северных" крестовых походов от "южных", ближневосточных, где, как мы знаем, значительная часть "паломников" оставалась на постоянное жительство. Прибывавшие в орденское государство "гости"-рыцари собирались в Мариенбурге,

крупных привислинских городах Данциге, Торне, Эльбинге, но основным местом встречи был Кенигсберг, откуда как правило и совершались походы на Литву. Этот город, названный в честь основавшего его в 1263 г. коронованного крестоносца короля Чехии Пшемисла Оттокара, являлся не только центром откуда исходили в XIV в. волны восточной экспансии Ордена. Во времена расцвета популярности северных крестовых походов он ежегодно становился местом сбора лучших сил европейского рыцарства и средоточием куртуазной дворянской культуры позднего средневековья. Во время знаменитых кенигсбергских "сезонов" прибывавшие для похода на "язычников" "гости" развлекались турнирами, охотами, всевозможными празднествами. В Данциге существовал целый "Двор короля Артура" с круглым "почетным столом" - куртуазное игрище, в котором принимал участие цвет европейского дворянства. Небезынтересно отметить, что находившиеся в землях воинствующего монашеского Ордена "гости" явно не ощущали ничего похожего на строгости монастырской обстановки.

Походы-рейзы на Литву совершались как правило зимой, когда сковывавшие болота и реки морозы делали жмудские леса удобопроходимыми для всадников. "Гостям" эти походы предоставляли шанс показать свою рыцарскую удаль и давали возможность добыть трофеи, которые при удаче могли покрыть расходы на "паломничество". Внешне рейзы так и выглядят грабительскими набегами на вражеские земли с целью наживы. Однако в средние века это был один из основных способов ведения войны, весьма распространенный и зачастую более эффективный чем сражения или осады. Прибывавшие всего на одну военную кампанию "гости"-рыцари как нельзя лучше подходили для подобных операций по систематическому разорению территорий противника с целью сломить его и принудить к капитуляции, проводившихся совместно с кадровыми войсками Ордена. В масштабных военных кампаниях европейские крестоносцы принимали участие не часто, такое стало случаться лишь на исходе XIV в. Известно например, что отряд графа Дерби действовал при осаде Вильно в 1390-1391 гг., а герцог Вильгельм I Гельдернский участвовал со своими людьми в захвате Гродно в 1392-1393 гг.

Выступая в поход, "гости" организовывались в отряды по землям, из которых прибыли: Германия, Англия, Шампань и Франция, Фландрия и Брабант и т. п. Рыцари из империи традиционно сражались под хоругвью со знаком Святого Георгия, а из других стран - под стягом с изображением Девы Марии. Что касается численности "гостей", то она в разное время была весьма различной. Пик посещаемости Пруссии крестоносцами приходится вероятно на 40-70-е гг. XIV в. Затем наступает заметный спад, вызванный христианизацией Литвы и унией ее с Польским королевством, что устраняло главный повод к "паломничествам" - необходимость борьбы с "язычниками". После Грюнвальда же поток "гостей" и вовсе иссяк, так что во время войн с Польшей 10-20-х гг. XV в. великие магистры Ордена тщетно зывали о помощи ко всему христианскому рыцарству Европы - желающих практически не нашлось. Однако в 1410 г. иностранных гостей в тевтонском войске было еще достаточно много. Играла свою роль и сила традиции, и мощная пропаганда Ордена, представлявшего литовцев нераскаявшимися язычниками, а поляков - их коварными пособниками. К сожалению, общая численность хоругви Святого Георгия, которую на грюнвальдском поле составляли "гости", неизвестна. Но надо полагать, что она была одной из самых сильных в армии великого магистра, поскольку "паломники" обычно отправлялись в дальнее и опасное путешествие в сопровождении большой вооруженной свиты. Под ней на

этот раз собрались главным образом рыцари из немецких земель Империи. Известно однако, что при Грюнвальде сражались также 24 рыцаря из Геннегау и до 120 рыцарей из различных областей Франции. До нас дошли имена лишь нескольких "гостей" из Западной Европы - дворянин из Нормандии Жан де Ферьер и сын пикардийского сеньора дю Буа д'Аннеке сложили свои головы в этой битве, а вот шотландский бастард граф де Хемб счастливо вернулся домой. Сражались крестоносцы весьма упорно и показали себя, наряду с наемниками, самой боеспособной и надежной частью орденского войска после братьев-рыцарей.

Союзники Ордена

Несмотря на большие усилия и громадные средства, затраченный тевтонцами перед Великой войной и в ходе нее на приобретение союзников, в час решительной схватки помощи от них практически не было. Великий магистр не дождался ни венгерских, ни чешских, ни имперских войск. Не выполнили свои обязательства большинство поморских и силезских князей, сотрудничавших перед войной с Орденом. Не поспешили немедленно на помощь даже полки "младшего брата" тевтонцев - Ливонского ордена. На грюнвальдском поле присутствовали отряды лишь двух, отнюдь не самых главных, даже просто второстепенных союзников крестоносцев - олесьницкого князя Конрада Белого из Силезии и князя Свентобора Щецинского с Поморья, приславшего воинов под командованием своего сына Казимира. Хоругви этих князей представляли собой, судя по всему, дружины из надворных рыцарей, усиленные дворянским ополчением, аналогичным польскому посполитому рушению. Известно, что Казимир V привел к великому магистру 600 копий, при чем в данном случае под копьем понимается скорее отдельный воин, чем рыцарь с вооруженной свитой. Лишь немногим слабее должна была быть хоругвь Конрада Белого, поскольку с ним прибыл еще один силезский князь - Януш Зенбицкий. Что касается боевых качеств этих союзников Ордена, то они вероятно были примерно такими же как и у воинов "земской службы" тевтонского государства.